

Я не мог не написать о них

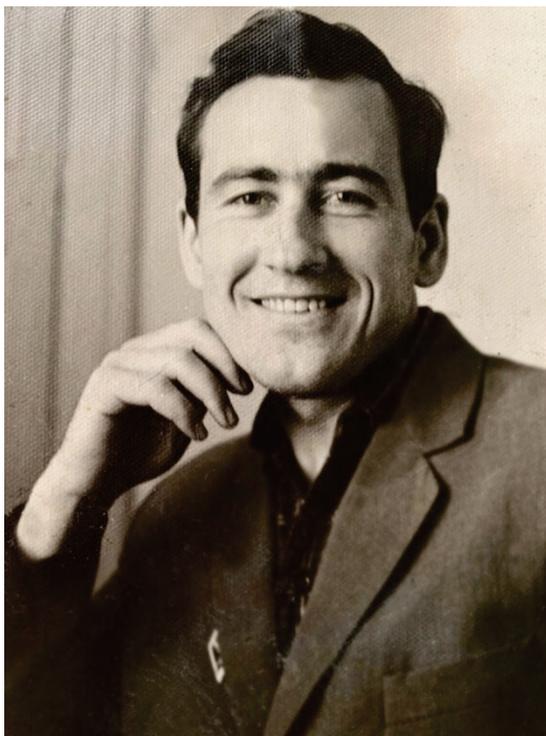
Лучшие ребята из ребят
Раньше всех уходят — это странно.
Что ж, не будем плакать непрестанно,
Мертвые нам это не простят.
Мы видали в жизни их не раз —
И святых, и грешных, и усталых, —
Будем же их помнить неустанно,
Как они бы помнили про нас!

Юрий Визбор

Я не мог не написать о них, моих друзьях, разных лет моей, не всегда правильной, жизни, моего взросления, возмужания и, наконец, прозрения. Они были интересными, одухотворенными и великолепными людьми, оставившими прекрасный след в моей памяти. Единственное мое достоинство — я смог разглядеть в них творческое начало, справедливость и неприятие компромисса, когда разговор шел о человеческой порядочности. У них всегда было собственное мнение, часто отличное от обычного житейского, навязываемого нам в молодости политизированной властью. А главным их козырем была высокая профессиональность, чего бы это не касалось. Мужество никогда не оставляло их — мужество принимать трудные решения, быть первым и не сломаться при поражении. Так же мужественно они встретили смерть. Они ушли, не побежденные даже тяжелой неизлечимой болезнью.

Таежный марафон

Начну с ушедшего всех раньше из жизни Николая Леонидовича Ясникова. Наше знакомство состоялось по сценарию, задуманному Господом. Мы проводили время за городом с моим школьным товарищем Валерием Дударевым. Уже были сданы экзамены на аттестат зрелости, а в августе нас ждали вступительные экзамены в институт. Утром мы брали дома учебники и покупали булку черного хлеба. Путь наш был или в рощу, перед поселком Дзержинского, или на Ушаковку, тут же поблизости. Там же мы играли в волейбол, отложив надоевшие учебники в сторону. Однажды нас поймал сильный ливень, и мы бросились искать укрытия. Я попал в какой-то сарай и здесь переждал ливень. Внезапно в сарай зашел парень моего возраста с собакой. Он весь вымок, что в нашем возрасте считалось пустяком.

Николай Леонидович Ясников

Он собирался поступать в мединститут, на стоматологический факультет, в прошлом году не прошел по конкурсу и остался работать в мединституте лаборантом. Он был на год старше меня, но уже отличался реальными взглядами на будущую профессию в отношении востребованности и оплаты труда. Он уже был взрослее, и какая-то грусть серьезной взрослой жизни застыла в его глазах. Его внутренний мир поразил меня. Его родители в лучшие времена нашли бы применение в интеллектуальной сфере. Его мама, похоже, была по профессии педагогом, работала в детских учреждениях. А редким и любимым ее занятием были переводы с английского языка. Я даже видел у нее томик Шекспира прекрасного английского издания. Отец — художник по профессии — окончил Иркутское художественное училище, прошел войну, был ранен, а после войны работал в художественных мастерских (во дворе музея по ул. Халтурина). Продукция носила серийный характер — это были небольшие гипсовые копии произведений старых мастеров. Работа эта оплачивалась недорого, и семья прозябала в культурной, но постоянной бедности. Леонид Николаевич, отец Коли, изредка уходил в лес и приносил оттуда букет лесных цветов, который становился основой его композиции на листе картона. Они все, родители и трое детей, умещались в маленькой двухкомнатной квартирке в старом двухэтажном доме на улице Польских повстанцев. Старшая сестра начала учиться в художественном училище, а Коля как-то инстинктивно стал уходить от искусства, т. к. его пугала неминуемая бедность в этом сомнительном мире бедных художников и музыкантов, на задворках великого государства рабочих и крестьян. У них был патефон и масса пластинок оперных арий, в т. ч. с записью знаменитых итальянских певцов. У Коли был прекрасный слух, он рисовал и мог сделать прекрасный эскиз с натуры. В этом сомнительном мире бедных художников и музыкантов, его познания в мире музыкального искусства и художественного творчества были достаточными для беседы в культурной среде.

И все это на фоне очень скромной жизни их семьи, из которой дети уходили с целью исправить незавидную и несправедливую «карму» родителей. Скромная одежда не позволяла Коле бывать на вечеринках и танцевальных

вечерах, несмотря на его привлекательность и качества интересного собеседника.

Меня с сестрой воспитывала одна мать, и мы были по уровню жизни недалеко от семьи моего товарища, и все же их скромная жизнь была заметна и в одежде, и в питании.

Тогда многие семьи, потеряв кормильца на войне, жили тяжело и без надежды на скорые перемены. Мы иногда подрабатывали с Николаем: копали траншеи, разгружали мясо на Хладокомбинате. Многие студенты с моего курса работали кочегарами. Один даже получил по этой причине прозвище Жухрай. Николай летом, как правило, устраивался рабочим в экспедиции. С Окладниковым он побывал на Ангарских писаницах, а также участвовал в экспедиции Иркутского госуниверситета на Ольхон. После он рассказывал, что ими был отловлен какой-то интересный вид полоза байкальского.

Им трудно было жить в постоянной нужде, которую иногда скрашивала помощь дальних родственников. Иногда дело доходило до сдачи в «Букинист» нескольких томов энциклопедии «Брокгауз и Эфрон» старого издания. Иркутск был старинным купеческим городом с хорошими культурными традициями, с Музыкальным и Драматическим театрами, Театром Юного Зрителя, множеством музеев и, несомненно, Иркутск был студенческим городом.

Образование сулило надежную профессию, гарантированную работу и, несомненно, выход из нужды. Потому мы инстинктивно тянули лямку высшего образования. Читальный зал Областной библиотеки им. Молчанова-Сибирского становился для нас идеальным местом подготовки к зачетам и экзаменам. Здесь же мы знакомились с последними журналами. Читали «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Польша». Кроме того, в иностранном отделе брали немецкие и польские журналы, которые привлекали нас интересным юмором других стран, расширяли кругозор. Нередко Николай брал здесь в руки книги Джека Лондона, а его герои — Смок Белью и Малыш, были у нас на слуху.

Нас привлекал Рокуэлл Кент, в произведениях которого, часто сопровождаемых его высокохудожественными набросками и картинками, раскрывался мир художника,

путешественника и христианина со своеобразным видением мира. Для нас он стал проповедником интересных индивидуалистских взглядов Запада, которые осуждались в советских средствах массовой информации.

«Польша» на русском языке также становилась для нас открытием. В этом журнале рассказывалось о польской молодежи, ее увлечениях, современной джазовой музыке, истории, архитектуре, различных интересных новациях демократического общества.

Мы, как тени, проникали через «железный занавес» советской пропаганды, узнавая много интересного и познавательного. Глоток, хотя и небольшой свободы, каким желанным становился он в то время!

Николай был человеком энциклопедически образованным, по-настоящему культурным и интеллигентным. Ему, как и многим из нас, было душно в рамках, обозначенных советской идеологией. Увы, сколько интересных, толковых и талантливых людей влачило нищенское существование, когда при приеме на работу в первую очередь спрашивали об идеологической платформе, принадлежности к КПСС и комсомолу. Сколько «дураков», «подкованных идеологически» сидело на шее трудового народа. Никчемные самодуры, ничего не делая, не разбираясь в производстве, тем не менее, руководили предприятиями.

Большим развлечением для нас становились лыжные прогулки в пригородных лесах, и все дальше от города забирались мы. Каштак, Плишкина падь, Толстый мыс, пионерлагерь «Чайка». В Плишкиной пади однажды заключенные, работающие в пекарне, угостили нас булкой свежего хлеба, когда мы проходили мимо поселка на лыжах. Мы познакомились с семьей сторожа, который охранял пионерлагерь «Чайка». А после уже целой компанией приезжали к нему на лыжах в выходные дни. Особенно запомнились нам мартовские походы по льду Ушаковки, когда запах весны, оттаивающих деревьев и теплые розоватые сережки вербы будоражили душу.

В начале мая мы выбрались на реку Ушаковку в районе Толстого мыса, когда всюду цвел багульник, а поляны на берегах Ушаковки желтели подснежниками. Мы бегали

босиком по берегу речки, у подножия высокого обрыва, сложенного из желтого песчаника, пока нас не окликнул одинокий рыбак. Оказалось, что это место называется Зминой подушкой. И действительно вскоре мы увидели среди камней гадюк, мирно греющихся на солнце у своих нор. С тех пор по этой тропе мы ходили с опаской, и не раз в сгущающихся сумерках из-под ног выскакивала вышедшая на охоту змея. Однажды днем на этой тропе, когда мы шли с Николаем в сторону «Чайки», между нами проползла змея. Народное поверье недаром считает этот факт приметой ссоры или разлада между людьми. Верь не верь, однако, разлад этот произошел, между нами, много лет спустя. Я также вспомнил гадание волхва князю Олегу: «...а при-мешь ты смерть от коня своего!», которое оказалось фатальным, даже пережив коня.

Знать бы тогда о приметах и остерегаться их далеких последствий... А ведь однажды нам просто показалось странным поведение Николая, когда он, необычайно испуганно, сбросил ползущего по одежде клеща во время одного привала на острове реки Ушаковки. Может быть, причина его испуга крылась в его профессии, и большей осведомленности в возможности заражения энцефалитом. А может, все-таки, он предчувствовал свою страшную судьбу за много лет до этого...

Однако пока мы были молоды, и жизнь сулила нам в будущем только счастье. На 4 курсе Коля знакомится (в читальном зале областной библиотеки) с симпатичной девушкой Нелей, своей будущей супругой. Она уже работала и заочно училась в Нархозе. Он женился первым из нашей компании, а после окончания института уехал с женой в Улан-Удэ, где спустя несколько лет становится отцом троих прекрасных детей. Он работал стоматологом в аэропорту г. Улан-Удэ.

В воспоминаниях студенческой юности он остался для меня человеком интересным и чрезвычайно начитанным. Вкусы его были довольно изысканны и оригинальны. Качество и содержание его анекдотов и отдельных фраз часто было остроумным. В нем была какая-то своя, отстраненная от остальных, внутренняя жизнь. Иногда он вполголоса

напевал кусок музыкальной фразы из любимившейся оперетты. Был горазд на выдумки. Однажды мы веселой компанией пошли в ЦПКиО (центральный парк). Мы с ним вдвоем залезли на парашютную вышку. При этом он туго свернул пальто и сбросил вниз сверток. В темноте было ощущение, что кто-то упал сверху, а потом все хохотали до упаду. И еще он пригласил нас (своих товарищей) на вечер танцев в Анатомический корпус Медицинского института. Там он предложил выпить вина прямо в помещении, где в ваннах с формалином лежали трупы или «учебные пособия» для занятий по анатомии.

Конечно же, в нем было что-то от литературных героев нашей молодости: Печорина, Чацкого — свободный ум аскета, с вызывающей издевкой изучающего насекомых в человеческой шкуре. И это произошло, возможно, после нашего знакомства с «Золотым теленком», «Двенадцатью стульями» Ильфа и Петрова. Конечно же, его влияние на меня в тот период жизни было велико.

Наша студенческая жизнь, несмотря на материальные невзгоды, все-таки была веселой. Это и вечера танцев в Сельхозинституте под музыку джаз-оркестра, состоящего из студентов, переведенного из Москвы, факультета охотоведения. Кроме того, у нас была уже своя компания, которая время от времени встречала праздники, отмечала дни рождения. И, конечно же, были танцы, разговоры, розыгрыши, при этом галантность Николая была выше всяких похвал, если в компании оказывались девушки.

В нем не было привязанности к вещам. Он был ненавязчиво добр, оставаясь приветливым и общительным человеком к тому, кого уважал. Его уважали окружающие люди, в том числе и коллеги, знавшие, что он никогда не пойдет на подлость и не предаст товарища. Вскоре он становится хорошим специалистом, а, прежде всего, добросовестным, честным исполнителем той ежедневной, рутинной, зубоврачебной работы, где боль и кровь пациента проходит через душу и сердце хорошего врача. Конечно же, в стоматологической клинике в советское время были и парторг, и профорг, и подхалимы, и наушники, как и на любом советском предприятии, которые из подлости и зависти плели козни.

Николай выдержал много таких негативных явлений в своей жизни, но не сломался, оставшись честным и принципиальным человеком. Но вынужден был заниматься частной практикой, чтобы содержать большую семью.

Наши пути разошлись, чтобы однажды мы снова встретились уже другими, прошедшими жизненную школу. Встреча эта произошла на иркутском железнодорожном вокзале. Николай пригласил меня в Саяны, в Тофаларию, чтобы провести там сентябрь в таежке вместе с семьей знакомого ему охотника-тофа. Тем более что эта поездка предполагала какой-то заработок на заготовке кедровых орехов. Зимой Николай уже бывал в этих глухих местах: Алыгджере, Верхней Гутаре и Нерхе по линии Облздравотдела. Его посылали с целью проведения обследования и оказания зубоврачебной помощи коренным жителям этих таежных мест.

Добравшись до Нижнеудинска, мы несколько дней ждали самолета в Верхнюю Гутару, добирая продукты и знакомясь с городом.

И вот мы летим вглубь таежной Тофаларии, где нам предстоит пробыть около месяца, при удачных обстоятельствах. Аэродром Верхней Гутары — это вытянутая зеленая поляна между двух скалистых хребтов со зданием аэропорта — большой деревянной избой, где приборы добавляют веса этому примитивному учреждению. Оказалось, что наша встреча с дикой промысловой тайгой откладывалась до прилета вертолета.

Наши знакомые тофы уже откочевали с двенадцатью вьючными оленями и промысловыми собаками в свои извечные хозяйственные угодья в тайге, в окрестностях реки Тагул. Вертолет должен был забрать какой-то попутный груз, включая сухари и другое питание для собак на промысловую базу Лежачий.

Долгое ожидание вертолета превратилось для нас в тягучее безделье с игрой в карты с начальником аэропорта. И вот в один из дней, как раз в разгар картежной баталии, появился вертолет. Все вокруг него закипело в азарте погрузки мешков с сухарями, коробок с топленым маслом и маргарином, каких-то вьюков и мешков с мукой, солью,

сахаром и крупой. Мы же, разгоряченные работой, занимаем свои места в этом непривычном для нас средстве передвижения. Внизу мелькают голые вершины хребтов, тоненькие ленточки белых от бурунов рек и резко меняющаяся линия горизонта в иллюминаторе. Вертолет садится на большой поляне Лежачего, где нас встречают, наконец, пригласившие нас таежники. Это сам хозяин — крепкий черноволосый тоф, со спокойным взглядом карих глаз, его русская жена и его брат. Мужчины занимаются зимой добычей пушного зверя, а базой для охотников служит бревенчатое маленькое зимовье в 10 км от Лежачего на хребтике, поросшем кедрами.

Мы добираемся до этого зимовья уже в сумерках. Хозяева размещают нас с Николаем в зимовье, где во всю длину избушки устроены нары, а справа от двери расположена железная печка. Стена с нарами без окон и лишь одно окошечко расположено около печки и одно в торце зимовья, слева от двери. Недалеко пасутся на ягельниках олени, а собаки свернулись клубком недалеко от костра.

«Край возле самого неба» — так назвал Тофаларию, эту горную страну, писатель Валентин Распутин. Тофалария — это музей природы и этнографии под открытым небом.

За лесами, за горами, за снежными перевалами, в глубине Саянских гор лежит удивительная земля — Тофалария. Главное охотничье богатство этого края — соболь и белка. Более ста видов птиц находят здесь приют, около трех тысяч различных растений, в том числе и родиола розовая или золотой корень, присутствуют в его прекрасной тайге.

Сложные сплетения хребтов, заоблачные вершины, самая высокая из которых — пик Поднебесный, искрящиеся шапки снега на гольцах, глубокие ущелья и каньоны, на дне которых в вечном сумраке шумит вода, россыпи — курумы, снежники и ледники, покрытая мхами каменистая тундра — все это Тофалария.

Если верить преданиям, именно здесь в Тофаларии, на рубеже первого тысячелетия нашей эры, впервые на земле приручили оленя и сделали его помощником человека. Площадь Тофаларии более 21 тысячи квадратных километров. Там нет дорог и попасть туда можно только авиатранспортом.

Наиболее крупные реки Тофаларии — Уда, Большая Бирюса, Малая Бирюса, Казыр, Тагул, Ия и Гутара, высшая точка — пик Поднебесный (2924 м), в центре Удинского хребта. Рядом расположена еще одна известная вершина — пик Триангуляторов (2881 м). В юго-западной части Тофаларии — пик Грандиозный (2891 м). Основные хребты Тофаларии — Удинский, Агульские белки, Гутарский, Ертактарган-Тайга, Бирюсинский, Джуглымский. На юго-западе Тофалария граничит с Тувой и Красноярским краем, на востоке с Бурятией и входит в состав Нижнеудинского района Иркутской области. На этой обширной территории живет около тысячи человек (сейчас 1200 чел.), треть из них тофалары¹.

С группой на Гутаринском перевале

---

¹ «Оленный народ», 2005–2010 годы. URL: www.etnografia@list.ru

Кочевая жизнь приучила тофаларов (до 30-х годов XX века они известны как племя карагасов) обходиться минимумом вещей и всегда быть готовым к перемене места. Все их жилище (конический чум) помещалось в один выюк. Традиционный чум ставят на летних пастбищах. Его обычно покрывают брезентом, кое-где дополняя сверху полиэтиленом. Обычные покрытия чума: шкуры, корье, береста — используемые раньше, сейчас не применяют. Брезент проще, но быстро приходит в ветхость. Кроме того, около каждой избушки и стойбища сооружают подобие лабазы. Это обыкновенный настил из жердей, стоящий на четырех столбах или слегах, прибитых к деревьям на такой высоте, чтобы не забрались собаки и не достали лошади и олени. Лабаз предназначен для хранения продуктов, припасов и снаряжений: седел, потников, сумин, инструмента и т. п. Иногда над ним сооружают навес, покрытый полиэтиленом. Кроме того, для собак строят будки.

У каждого стойбища, кроме Белогорья, летом пастухи строят загон для оленей, если же стадо больше 400 голов, то делают несколько секций для удобства подсчета скота и для отдельного содержания важенок и молодняка. В каждом загоне обязательно делают солонцы — бревно, лежащее на пнях, с вырубленным сверху желобом, куда насыпают соль.

Для устройства загонов использовали высокие пни с зарубами на одной стороне через 20–30 см, куда вставлялись и прибивались жерди. У старых летних пастбищ можно встретить деревянные оленевязи.

В Тофаларии олень используется как транспортное животное — вьючное и верховое. Для заседлывания оленей применяют седла разного назначения: для вьюка, для езды, а в Верхней Гутаре еще для перевозки младенцев и детей. Седла передаются в тофаларской семье по наследству. Верховые седла — в основном старого бурятского изготовления (хорошо высушенная береза). Все детали соединяются с помощью ремешков.

Первая перекочевка всех оленьих стад начинается в конце марта — начале апреля, с зимних пастбищ на удобное для отела место, т. е. в устье крупных ручьев и рек, где

достаточно корма. Зимнюю стоянку очень важно расположить в мокрых ягельниках в кедрачах.

В качестве потников применяют войлок, сложенный вдвое, но чаще прокладывают под седло тщательно выделанные олени шкуры.

Вьючные сумы шьют сами из изюбриных и лосиных шкур, реже из камусов, сейчас используют брезентовые сумины².

Хозяева уходят ночевать с двумя собаками в чум. Чум сделан из конуса поставленных жердей и накинутых на них кусков войлока, а также большого брезента поверх них. В вершине чума большое отверстие для выхода дыма от огороженного камнями кострища. Внутри сооружены лежанки по периметру основания конуса. На лежанках расположены постели из старых шкур и зимней одежды. На одной из лежанок дремлет почетный член этой таежной семьи. Это старый кобель (13 лет) из породы сибирских лаек. Хозяева очень любят его за честную службу. Были времена, когда хозяин добывал с этой собакой много белки, соболя, лису и горностаю. Его сестра из более позднего помета (ей 8 лет) тоже труженица. Рано утром около нее собирается несколько годовалых голенастых щенков, и они идут под ее руководством облаивать белку, которая осенью еще не «выходная» (не отлиняла) и красуется в рыжей недолговечной осенней шубке. Эти две собаки возглавляют выводок из нескольких щенят. Старший кобель уже на заслуженной пенсии и храпит ночью как человек. Две эти собаки долгие годы служили верой и правдой, но «работа по снегу» надсадила и их. Хозяин рассказал, что пускал их по следу изюбря и сохатого, а также добыл много медведей. Обе эти собаки «медвежатники», что дано не каждой лайке. Это дается природой щенку при рождении. Воспитать в них бесстрашие и умение отвлекать медведя на себя при охоте не получается, и это свойство собаке не передается по наследству. Просто иногда среди стаи собак рождаются «медвежатники».

«Осенью день год кормит» — говорит старая русская пословица. А здесь нужно торопиться еще быстрее, чем в

---

² URL: www.etnografia@list.ru/aborigen/1tofaxozaistvo

обжитых человеком краях. Нужно «добыть» орех, собрать ягоды, «добыть» и засолить рыбу, которая уже скатывается из горных рек вниз, в Бирюсу и Ангару. Таежного добытчика подстегивает снег, т. е. непогода поздней осени, которая закрывает метровым снегом перевалы. Хорошо охотиться по первотропу, первому снегу, а при большем снеге собака не сможет идти по следу и «работать». Хочется привести эпизод белой снежной стихии в тайге.

«Снег выпал за остаток ночи и к утру покрыл землю рыхлой добавочной тридцатисантиметровой толщиной. Шел снег и утром, густой, как простокваша. Толща снега росла, на глазах замуровывая тайгу. Влажная одежда сковывала простуженное тело, мозжило колени, спину, крестец. Из снега в ногах встал Верный. Дымки не было. Арканя вспомнил, что вставал ночью. Вспомнил, как он перестилал влажное свое логово, как сушился и переобувался, как уползал в сугроб и как кормил Верного. Верный к чему-то прислушивался и встряхнулся, и снежная попуна свалилась, а через минуту снова выросла на рыжей худой спине с выдвинутыми лопатками.

Снег валил густо, толсто, едва слышно шелестел. “Дымка” — крикнул Арканя и безголосость горла его испугала. Простыл. Верный взлаял с подвывом. Снег, как подушка, придавил звуки»³.

Кедровая роща в хороший урожай служила этому таежному семейству средством добычи и продажи кедрового ореха. Посредником в этих делах выступала заготовительная контора, которая располагалась на «Лежачем». Приемочные цены были невелики, и не выплачивалась вся сумма за орех сразу, а частями, как и за пушнину.

На следующий день мы осмотрели кедрач, «попробовали на колот». Но шишка была еще смолевая и «шла» при ударе колотом плохо. Мы поработали пару дней, и хозяин участка решил идти рыбачить на реку Малый Тагул, всей семьей, включая нас. Груз был быстро навьючен на оленей, и началось наше путешествие по дикой горной стране. Если вам скажут, что здешние тропы подходят для прогулок, то

---

³ Скалон А. В. Панфилович и Данилович // Живые деньги: повесть. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. — С. 265.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru